

Шалевич В

11/VI.88

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

1 1 ИЮН 1988

Давайте работать вместе

О проблемах современной драматургии говорит представитель актерского «цеха» — артист Академического театра им. Евг. Вахтангова народный артист РСФСР В. ШАЛЕВИЧ.

АРТИСТЫ редко бывают теоретиками. На пьесу они смотрят утилитарнее, чем, скажем, литературоведы или театроведы. Естественный вопрос, который возникает: что играть в пьесе? Мне вспоминаются слова замечательного советского режиссера Алексея Дикого, который, собрав актеров, участников будущего спектакля, спрашивал: «Чем будем удивлять?».

Вопрос этот, конечно, относился не к поиску каких-то потрясающих сценических «фокусов». Смысл его был гораздо глубже: что нового мы должны открыть в той или иной пьесе и для себя, и для зрителя. Чем обогатим мы, участники спектакля, зрительские сердца и разум?

Нельзя браться за работу, не задаваясь этим вопросом, но успешное решение его зависит прежде всего от пьесы, которую приносит в театр драматург. Вот почему возникший в последнее время в прессе, в том числе и на страницах «Советской культуры» разговор о положении дел в современной драматургии очень важен и актуален. Большинство выступлений, особенно наших молодых драматургов, было полемичным, критически заостренным по отношению к другим и не всегда, к сожалению, по отношению к самим себе.

Мне кажется, что в пылу полемики, в поисках подтверждений своей точки зрения как-то «забыли» они поговорить о том, что, собственно, делает пьесу пьесой, о неразделимом и точно выверенном триединстве: тема — образ — действие, без которого литературное произведение не станет произведением для театра. Мне думается, вновь вспомнить об этой общеизвестной формуле сегодня отнюдь не лишне.

Так получилось, что в последнее время пьесы приходится читать больше, чем какую-либо иную литературу, и именно пьесы современных авторов. И я пришел для себя к странному и неуверительному выводу: прекрасно известное по теории каждому драматургу триединство на практике в той мере, в какой это необходимо театру, присутствует в пьесах крайне редко. Такое ощущение, что многие сегодня пишут пьесы, забыв, что пишут-то они их для театра. Часто мы получаем некий «литературный вариант» пьесы, более пригодный для чтения, чем для сценического воплощения, не содержащий никакого действия, драматургии. Как тут не вспомнить опять старую истину, что театр — это прежде всего действие, поступки, события.

Конечно, огромная роль принадлежит теме, которая должна стать близкой зрителю, взволновать его, побудить к размышлению о вещах серьезных и важных. Но прочтешь иную пьесу — и становишься обидно любопытными характеры написал автор, по-человечески узнаваемые, «с изюминкой», и событийный ряд выстроен профессионально, но вот только во имя чего он все это сделал? То, о чем говорят его герои, мелко и незначительно, конфликты заурядны, поступки банальны, цели убоги. В пьесе не тема, а «темка», довольно однозначная и избитая. Бывает и наоборот. Берется автор за серьезную тему, за проблемы актуаль-

ные, волнующие многих, но, очевидно, считает на этом свою задачу выполненной — тема, мол, сама вывет... В результате получается художественно неполноценное произведение, где ситуации неправдоподобны, персонажи ходульны, неинтересны, и вместо глубинного, разностороннего раскрытия темы получается ее профанация. Не поможет и хорошая тема, если воплощена она скучно и вяло. Не поможет и с любовью выписанный главный герой, если вместо живых характеров его окружают мертвые трафареты. Не поможет и лихо закрученный сюжет, если пьеса направлена на достижение ничтожной цели.

Еще неприятно поражает в общем потоке пьес обилие штампов. Подражание западным авторам, подражание лучшим пьесам наших известных драматургов — все это не радует. Берутся «напрокат» герои, меняющие из пьесы в пьесу лишь фамилии и место работы, слегка подновляются и вновь пускаются в дело сюжетные ходы и т. д. и т. п.

Каждый из нас, актеров, мечтает сыграть на сцене личность крупную, характер сложный, незаурядный, мечтает об образе, который стал бы открытием, завоевал бы любовь зрителей, запомнился бы надолго подобно таким образам, как профессор Полежаев, Дронов, арбузовская Таня...

И разве в наше время у нас нет людей, достойных называться героями нашего поколения? Разве мало сейчас событий в жизни страны, заслуживающих самого пристального внимания художника? Разве перевелись проблемы и трудности, требующие преодоления? Пона еще наши драматурги в долгу перед героями БАМа и строителями Заполярья, перед покорителями Антарктиды и первопроходцами целинных земель. Действительно, ведь уникальное по своему размаху освоение целины было событием огромной важности для всей страны, стало символом трудового героизма целого поколения, но кто вспомнит сейчас хоть одну пьесу, достойную этого события, подобную «Городу на заре» А. Арбузова о строителях Комсомольска-на-Амуре? Нет такой, а те, что были, бесславно канули в Лету.

Наш век называют началом космической эры — факт грандиозный, имеющий всемирно-историческое значение. Именно наша страна, советские люди стали первооткрывателями космоса — уже более двадцати лет прошло с тех пор, а много ли написано на эту тему пьес? Зато явный переизбыток пьес на семейно-бытовые темы. Я понимаю, проблемы духовно-нравственного совершенствования человека, проблемы морали и человеческих взаимоотношений и сегодня актуальны и необходимы. Но нельзя же превращать театр в некую консультацию по вопросам семьи и брака. Этим ли определяется его предназначение?

Признаюсь, я не все понимаю и принимаю в творчестве ряда наших молодых драматургов. Да, они пишут профессионально, любопытно, там есть чему «удивиться», но лично я не поклонник такого рода удивлений. Они так изоциренно «препарируют» души своих героев, заставляют их так духовно обнажаться, что порой не ощущаешь ничего, кроме брезгливости. Как будто бы там все «как в жизни», но правдивость эта переходит иногда в прямую иллюстративность. Искусство не слепое копирование жизни, а ее художественное отображение. Художественное! И сцена не анатомический театр, а Театр с большой буквы. Иные авторы об этом забывают, ссылаются на традиции русской литературы, на Достоевского. Но давайте вспомним героев Достоевского: какими вселен-

скими вопросами они мучаются, какую всечеловеческую боль принимают на себя!

И еще не удержусь от одного упрека. Все больше стало появляться пьес жестоких, недобрых, пессимистических. В них явно проглядывает подражание некоторым западным образцам. А ведь подобная мрачность и безысходность совсем не свойственны ни русской, ни советской литературе. Не случайно и в нашей стране, и во всем мире пользуется такой огромной популярностью драматургия Чехова. Писатель не приукрашивает жизнь, события в его пьесах происходят далеко не радостные, но при всем том в пьесах Чехова чувствуется нечто высокое, светлое, мудрое. Чехов как бы дарит людям луч надежды. Подобного луча надежды не чувствуется у иных современных авторов, о которых я говорил. Не в состоянии они подняться над тем, о чем пишут, сами ввязавшись в том житейском болоте, которое якобы так беспощадно разоблачают.

У меня возникает подозрение, что часто такие пьесы пишутся (причем в основном молодыми людьми) не ради того чтобы вызвать у зрителей чувство протеста против тех неприглядных сторон жизни, которые они увидели на сцене, а ради привлечения внимания к своему имени. Если так, то это довольно сомнительный путь в большую литературу.

Я вовсе не призываю к искусственной лакировке действительности, я против затуманивания недостатков, сглаживания острых жизненных проблем и конфликтов, но при всем при том я за мечту, за веру в добро, в человека и в человечность, за гражданскую и партийную совесть.

Каждый театр мечтает найти «своего» драматурга, открыть новое талантливое произведение, из потока появляющихся пьес «выудить» счастливую «золотую рыбку». Но, увы! В театры большинство пьес поступает «усредненными», подстриженными под одну гребенку. И вина здесь, думается, не только авторов, но и редакторов. Пьесе, если она талантлива, оригинальна, остросовременна, нужно помочь дойти до зрителя.

Могу привести недавний случай из собственной практики. Принес я в театр пьесу одного молодого драматурга — мне понравился ее неизбитый сюжет, интересно выписанные образы — и получил от своих коллег небольшой урок. Они увидели в ней то, что при первом знакомстве ускользнуло от моего внимания, — плохой язык. Недостаток, увы, довольно распространенный, особенно в пьесах на современные темы. Расхожие фразы, обилие жаргонных оборотов, часто наполовину придуманных самим автором, — все это порой выдается за наисовременный русский язык.

Удивляет еще вот что — как мало сегодня пишется пьес в расчете на определенных актеров. Если бы автор написал роль, специально для Михаила Ульянова или Юлии Борисовой, то непосредственное общение с такими большими художниками театра, их советы, возможность использования в работе их богатейшего сценического опыта, уверен, поинли бы только на пользу и автору, и пьесе. На мой взгляд, самый плодотворный и верный путь к рождению пьесы на театральных подмостках — это совместная работа над ней драматурга и театра.

Хотел бы обратиться от имени актерского «цеха» к драматургам: давайте работать вместе, ведь мы несем ответственность за конечный результат работы — эстетическое и гражданское воспитание человека социалистического общества.